

На следующий день, едва забрезжил рассвет, У Юй, проведший без сна всю ночь, поднялся спозани.

Когда на душе было тревожно и смутно, больше всего на свете он любил полоть землю: стоило ему взять в руки мотыгу, как все заботы и тяготы тут же отступали.

В столичном Поместье князя Му Суй Мухань останавливался крайне редко, пожалуй, всего на несколько дней за весь год, так что за хозяйством приглядывал лишь один оставленный в одиночестве управляющий.

Цветы и деревья во дворе никто не подстригал, сорняки разрослись повсюду, придавая усадьбе довольно запущенный вид.

У Юй терпеть не мог подобные зрелища, а потому с головой ушёл в работу на цветочной клумбе, трудясь в поте лица.

— Эй, У Юй! Не мог бы ты уgomониться хоть ненадолго? Ни свет ни заря, какую землю ты тут копаешь? Князь сюда почти не заглядывает, чего ради стараться?

Время утренней трапезы уже давно миновало, Тан Ли успел и плотно поесть, и даже немного прогуляться, чтобы еда лучше усвоилась, но У Юя так и не нашёл. Заглянув во внутренний двор, он решил поискать его здесь.

— Ха-а... ха-а... пустяки. Несколько дней мотыгу в руках не держал, всё тело ломит, вот и решил... размять кости, — прозрачные капли пота скатывались по его белоснежной, с лёгким розоватым румянцем коже.

— Называть тебя сдвинутым на цветах — сущая правда. Неужели тебе даже есть не нужно?

На самом деле У Юй действительно запросто мог обойтись без еды по несколько дней — в конце концов, он был небожителем, пусть и сосланным на землю, а потому всё же превосходил обычных смертных.

— Ничего страшного, поем попозже, — У Юй продолжил орудовать мотыгой.

Сейчас он был готов до самого вечера ковыряться в этой грязи, лишь бы ненароком снова не столкнуться с Суй Муханем. После вчерашнего при одном воспоминании о Семнадцатом Ване у У Юя сводило живот.

Уж лучше держаться от него подальше.

— Господин, князь приказывает вам немедленно явиться к нему, — передал подошедший

стражник.

Тан Ли тут же помчался выполнять приказ с самым серьезным выражением лица.

В нынешнем Государстве Цаньфу не только в окрестностях деревни Сюэцзин, но и во всех без исключения провинциях и городах уже несколько месяцев подряд не выпадало ни капли дождя.

В Государстве Цаньфу было много лесов и гор, а в Императорском городе, где располагался дворец, с запасами воды, разумеется, проблем не возникало. Окружающие столицу города тоже кое-как справлялись и держались на плаву.

Однако в отдаленных окраинах столицы, на стыке земель с песчаным Государством Жунлу, в нескольких приграничных городах уже давно царил голод, трупы валялись повсюду, а простому народу жилось невыносимо тяжело.

Многие местные жители бежали из городов, спасаясь от бедствия, и стекались к столице. Но поскольку подходы охранялись усиленными отрядами стражи, беженцы не решались приближаться вплотную. Императорский двор неоднократно отправлял войска, раздавал деньги и зерно, пытаясь водворить беженцев обратно, однако, поскольку грубую силу применять не стали, это почти не принесло результатов.

Теперь пригородный Ичжоу превратился в главный лагерь беженцев. А этот Ичжоу был личным уделом Второго вана.

Старший сын правителя Государства Цаньфу, рожденный законной императрицей, отличался острым умом, преуспевал как в науках, так и в воинском искусстве, и с малых лет считался наследником престола. К сожалению, в юности он скончался от болезни. Императрица так сильно тосковала и убивалась по нему, что вскоре тоже слегла и умерла.

Второй ван, князь Дуань-ван Суй Цзинсюй, был рожден благородной супругой-гуйфэй. Звезд с неба он не хватал, но обладал гибким умом, вел дела безупречно, водил дружбу со многими влиятельными сановниками и пользовался большим авторитетом при дворе. Будучи самым старшим из ныне живущих принцев и отличаясь спокойным нравом, он почитался некоторыми старыми министрами как наиболее подходящий кандидат на престол.

Этим утром Суй Мухань получил секретное послание от Второго вана. Суй Мухань приходился правителю Государства Цаньфу семнадцатым ребёнком, и разница в возрасте со Вторым ваном составляла чуть более десяти лет.

Родная мать Суй Муханя умерла сразу после его рождения, так что с малых лет он не знал материнской ласки, а Второй ван всегда относился к нему с большой заботой.

Многие сводные братья и сестры смотрели на него свысока, да и он сам с холодным высокомерием игнорировал их, поддерживая теплые отношения лишь со Вторым ваном.

— Собери людей, скоро выдвигаемся в Ичжоу, — бросил Суй Мухань Тан Ли.

Тот немедленно отправился отдавать распоряжения.

— У Юй, поживей собирайся! Скоро выезжаем в Ичжоу, — суетливо прибежав во внутренний двор, окликнул его Тан Ли.

— Князь отправляется в Ичжоу? — с кислым видом осведомился У Юй.

— Разумеется, чего стоишь, шевелись давай, — рявкнул Тан Ли.

— Я всего лишь садовник, мне-то зачем ехать?

— Ишь чего удумал! Живо собирайся, дармоедов в поместье не держат.

...

Только-только успело поместье стать родным, как снова приходится сниматься с места. У Юй плелся в самом хвосте процессии с мрачным видом человека, на чью долю выпали все тяготы мира.

Ичжоу славился своими плодородными землями, а через весь город протекала река Юнцзин.

Надо полагать, правитель и впрямь благоволил Второму вану, раз пожаловал ему столь благодатное место.

И то верно: высокое дерево привлекает много ветра. Беженцы прекрасно знали, что в Ичжоу есть и вода, и еда, а Второй ван издавна славился своей мудростью и добродетелью и уж точно не стал бы применять силу для их изгнания, вот они и обосновались здесь наотрез отказываясь уходить.

Трущобы Ичжоу теперь целиком превратились в лагерь беженцев, и местные бедняки смотрели на них с крайним презрением.

Поскольку Ичжоу находился недалеко от столицы, Суй Мухань отправился в путь верхом, а не в повозке.

Он ехал во главе отряда на чистокровном скакуне потатом, облаченный в легкие светло-

зеленые одежды боевого мага, выглядя отрешенным от суетного мира. Его рукава были плотно стянуты у запястий, а темно-синий нефритовый венец на голове таинственно мерцал в лучах солнца.

Спустя час пути отряд прибыл в Ичжоу.

Суй Цзинсуй уже давно поджидал их на крепостной стене.

Резиденция Второго вана ничуть не уступала императорскому дворцу. Резные перила и нефритовые балюстрады, расписанные киноварью столбы и изукрашенные балками потолки — всё сияло невиданной роскошью.

Если вспомнить поместье самого Суй Муханя, то его можно было назвать разве что жалким.

— Добрый братец, наконец-то я дождался тебя! Твой второй брат совсем извелся.

— Какая беда стряслась у второго брата? — поинтересовался Суй Мухань.

— Эх, всё те же проклятые беженцы. Хотя в самом Ичжоу протекает река, питающая город водой, засуха свирепствует по всей стране, и нынче речушка эта едва течет, превратившись в ручеек. Местным жителям воды едва хватает, не говоря уж о прорве беженцев. Недавно из-за борьбы за источники воды произошло несколько мелких бунтов, и только отправка войск помогла их подавить. Голова просто кругом идет.

— То, о чем говорит второй брат, и впрямь непросто разрешить. С одной стороны, необходимо решить проблему нехватки воды, с другой — если беженцы и дальше будут оставаться в Ичжоу, боюсь, случится страшное.

— Насчет воды я уже связался с твоим третьим братом. Его удел Цзичжоу находится недалеко отсюда, людей там не так много, а запасы воды еще приличные, так что он отправит сюда немного для спасения положения. Остается лишь надеяться, что небеса наконец сжалятся и пошлют дождь. Если так пойдет и дальше, боюсь, всё Государство Цаньгу не выдержит.

— Отец знает о нынешнем положении дел? Разве те старые сановники при дворе целыми днями только и могут, что указывать всем подряд, не предложив ни единого толкового плана? — спросил Суй Мухань.

— Эх, отец по-прежнему одержим алхимией и поисками пути бессмертных, а все государственные дела в основном перепоручил Государственному наставнику, но этот Государственный наставник... лучше и не упоминать. В Императорском городе пока еще относительно спокойно, так что придется нам самим искать выход.

— И что же второй брат намерен делать с этими беженцами?

— Послушай, третий брат предлагает одолжить мне войска, чтобы мы общими усилиями переловили всех беженцев и насильно отправили их назад, а тех, кто станет сопротивляться — рубить на месте.

Выслушав это, Суй Мухань воздержался от каких-либо оценок.

Третий ван, князь Жуй-ван Суй Цзинкай, пользовался дурной славой при дворе. Он отличался жестокими методами и любил истреблять врагов до последнего.

Будучи кровными братьями от одной матери с Суй Цзинсюем, характерами они являлись полной противоположностью. Тем не менее Суй Цзинкай глубоко уважал Второго вана и во всем слушался его.

Разумеется, столь скверный план, предложенный Третьим ваном, Суй Цзинсюй принять не мог.

Ведь он так дорожил своей репутацией и безупречным именем! И всё же против столь огромной толпы беженцев, казалось, не было другого выхода.

— Погляди-ка на меня, из-за этих хлопот я совсем забыл о главном и заставил Семнадцатого брата томиться в ожидании. После столь долгой и утомительной дороги я приготовил для тебя тихий, уютный особняк, чтобы ты мог отдохнуть и привести себя в порядок. А вечером на праздничном пиру в твою честь мы, братья, сможем вволю пообщаться, — улыбаясь, проговорил Суй Цзинсюй.

Вернувшись в отведенные ему покои после долгой пыльной дороги, Суй Мухань собирался принять ванну и переодеться.

Он не выносил прислуживания служанок, и большинство слуг в его собственном поместье составляли мужчины. Кроме того, он не любил толпы, и вокруг него всегда крутился лишь узкий круг приближенных.

Суй Цзинсюй же об этом не знал и специально прислал нескольких писаных красавиц прислуживать гостю. Однако Суй Мухань приказал Тан Ли отправить их на кухню гостевого дома выполнять тяжелую черную работу, оставив при себе лишь самого Тан Ли.

У Юй же, наслушавшись жалоб и горестных всхлипываний тех девиц, глядя на их хрупкие фигуры и тонкие пальчики, невольно преисполнился сострадания и в одиночку взвалил на себя всю тяжелую работу.

В этот момент он как раз подбрасывал дрова в печь, подогревая воду для купания.

— У Юй, ты как здесь очутился? — удивленно воскликнул Тан Ли.

— Ха... ха, делать всё равно нечего от скуки, вот и решил помочь по ходу дела.

— Ну раз так, вода уже почти закипела. Будь любезен, сделай одолжение, отнеси воду в покои князя. А мне нужно срочно бежать, князь поручил другое важное дело. Так что с этим пустяком справляйся сам.

С этими словами Тан Ли умчался с такой скоростью, будто поднялся вихрь, и в мгновение ока скрылся из виду.

<http://bllate.org/book/21880/2272358>